

СССР: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Лидия Михеева¹

Сборник статей под ред. И.В. Глущенко,
Б.Ю. Кагарлицкого, В.А.Куренного.
Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012

Сборник статей *СССР: жизнь после смерти* издан при сотрудничестве Высшей школы экономики (ВШЭ) и Института глобализации и социальных движений по материалам одноименной конференции. Этим обстоятельством, видимо, и объясняется его эклектизм – как в отношении дисциплинарной принадлежности авторов, так и несхожести, а порой и противоположности установок, с которыми они подходят к изучению «советского». Концептуально авторов должно было объединить размышление над вопросами: «в какой форме продолжается жизнь советских социально-бытовых практик в постсоветском, капиталистическом обществе? ... Оказывается ли “советское” фактором сопротивления или ресурсом адаптации к реальности неолиберального порядка? ... Насколько авторитарен или демократичен советский опыт? Насколько он прогрессивен или консервативен?» (с. 11).

В открывающей сборник статье одного из редакторов номера Ирины Глущенко озвучиваются исследовательские установки, с которыми она предлагает обращаться к советскому наследию. Принципы изучения советского, которые предлагает Ирина Глущенко, можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Изучение «советского» должно эмансипироваться от любых идеологических привязок и эмоциональной нагруженности и представлять собой интонационно спокойный (но не ценностно-нейтральный) исторический и культурологический анализ (с. 18).

2. При изучении «советского» необходимо помнить об исторической динамике – этапах эволюции советского общества: от периода революции и гражданской войны через сталинскую эпоху, оттепель и далее к эпохе перестройки. Обобщить все эти этапы под общим понятием «советского» невозможно.

3. Следует учитывать мировой контекст, в который был включён Советский Союз, исследовать не только поле различий, но и поле схожего. Так, например, советский модерн –

¹ Лидия Михеева – магистр социологии, аспирантка Московского института психоанализа (г. Москва, Российская Федерация).

это одна из форм современного общества, и следует его описывать и анализировать именно исходя из этого.

4. По мнению Ирины Глущенко, «мало в каком обществе повседневно-бытовая сфера жизни играла такую большую роль и занимала так много места в сознании людей, как в СССР» (с. 21). Поэтому исследования советской *повседневности* должны занять одно из центральных мест в исследовании «советского».

5. Исследуя советское общество, следует помнить, что и в нём присутствовала социальная стратификация, и описывать его как некое однородное целое неправомерно. Как раз выделение и описание различных групп, слоёв, сообществ и могут стать стратегией при выявлении специфики «советского».

6. И отдельным пунктом И. Глущенко выделяет необходимость рассмотрения «советского» через понимание феномена «утопического мышления». Исследовательница указывает на специфическое взаимоотношение утилитаризма и утопизма в советской культуре: «утопия» носит не только аксиологическую функцию, но и сугубо прагматическую – она не только достраивает картину будущего, но и преобразует настоящее, помогая выжить в тяжёлых условиях «строительства коммунизма», накладывая – подобно двойной экспозиции в фотографии – план действительно существующего и того, что «должно существовать». Без этой двуслойной картины, в которой ещё не наступившее «будущее» осязаемо и зримо присутствует в настоящем, оправдывая затраты сил и жертвы, «советское» не может быть понято.

Во многом эти установки перекликаются с позициями и Бориса Кагарлицкого (*Введение*), и Виталия Куренного (послесловие под названием «*Советское*» как предмет исследовательского интереса). И тем не менее сложно сказать, что всем авторам сборника удалось следовать принципам, манифестированным редакторами. Задача *отказа* от «обобщений» советского опыта и попытки вычленения некоего ключевого этапа, который является системообразующим для всей советской культуры, отказалась слишком сложной для реализации. Например, историк советской культуры и филолог Евгений Добренко однозначно называет «ядром советской культуры» сталинскую культуру (с. 27), с большим сожалением отмечая засилье работ о советском авангарде (и недостаток работ о «тоталитарном» искусстве), долгое время существовавшее как в западной советологии, так и в российских исследованиях. Такая уверенная позиция Евгения Александровича явственно иллюстрирует сложность снятия дискуссионного вопроса о наличии у «советского» некоего ядра, исходя из которого можно выстраивать объяснительные стратегии относительно того, что это «ядро» обрамляет.

Крайне дискуссионным и насыщенным получился раздел «Организация жизни: советская модель». Здесь П. Кудюкин, Т. Круглова и Р. Абрамов, по-разному расставляя акценты, формулируют вопрос о том, каким образом утопическое и идеологическое запе-

чатлевались в практиках коллективного труда и общежития. Сложность говорения об СССР без ценностно-окрашенных суждений и оценок проявилась в этом разделе остро. Например, Татьяна Круглова в статье *К вопросу о содержании концепта “социалистический коллективизм”* пытается разоблачить понятие «социалистического коллективизма» как понятие, нагруженное положительными ценностями, доказывая, что советский коллективизм – это главным образом конформизм, безропотное послушание рабочего, а ностальгируют по Советскому Союзу сегодня те, кто хотел бы вернуться к привычному опыту конформизма. По сути, Т. Круглова деконструирует понятие «героизм» (главным образом, в труде) и переописывает самоотдачу (называя её «вынужденной») рабочих как форму выражения покорности индивида системе. Таким образом, социалистический коллективизм для Т. Кругловой – это инструмент эксплуатации рабочего в социалистическом обществе.

Не всегда находят отклик и призывы редакторов изучать «советское», не разоблачая и не оправдывая его, избегая идеологической ангажированности политтехнологической «экспертизы». Особенно в этом плане выделяется в сборнике раздел «Национально-культурное строительство в СССР и постсоветский мир». Так, автор статьи *СССР как машина по производству наций: теория и практика* Олег Кильдюшов утверждает, что «мы до сих пор являемся заложниками исторических заблуждений небольшой группы русских марксистов» (с. 89). Под заблуждениями он подразумевает создание национальных республик в рамках СССР, подчёркивая, что ни одна из наций не оформилась в качестве таковой на момент создания СССР, и именно Советский Союз послужил (пагубному, по мнению автора) делу нациостроительства, которое, в конце концов, и развалило СССР: «нерусским национализмам удалось инструментализировать советский режим в целях создания собственных государств, что и было успешно реализовано ими в момент очередного ослабления союзного центра в 1991 году» (с. 95).

Этот же тезис, в более радикальной формулировке, звучит в тексте Олега Неменского: «Распад СССР не был завершением действия “советской” фабрики наций, а, наоборот, был её победой, её утверждением: с конвейера сошла основная партия новых наций» (с. 106). Автора печалит не только успех «нерусских» национальных проектов, но и неудача в образовании *nation-state* русской нации, которая сегодня вынуждена быть близнецом советского «инкубатора для наций» и в ущерб себе поощрять иные нации. Заканчивает статью автор и вовсе откровенно популистскими призывами: «Формирование Русского национального государства могло бы поставить задачу воссоединения всей территории господства русского языка, русской культуры. А это, кроме большей части Российской Федерации, ещё и Белоруссия, большая часть Украины, Приднестровье и значительная часть Казахстана. Собственно, это

и есть историческое пространство, которое можно назвать Русской землей» (с. 110).

Эти катастрофически (в)ненаучные тексты допускают жонглирование голословными утверждениями: «если кого-то призывают учить родной язык, то понятно, что речь идёт уже не о родном языке, а политической манипуляции, что в реальности происходило на Украине во время так называемой “коренизации”» (Олег Кильдюшов, с. 93); «на деле в дореволюционной России наций почти не было (две, к тому времени уже в целом сложившиеся – польская и финская, – получили независимость)» (Олег Неменский, с. 103). Критикуя проекты нациостроительства в рамках СССР, авторы откровенно досадают по поводу признания Лениным вреда и недопустимости «великорусского шовинизма»...

Такую «исследовательскую» (в кавычках) установку, к сожалению, не в силах смягчить или нивелировать статья Елены Галкиной, открывающая раздел о нациях в СССР, в которой русский национализм и его отношение к советскому как раз подробным образом описываются и классифицируются. Несмотря на несовпадение позиций Елены Галкиной с позициями Олега Кильдюшова и Олега Неменского, раздел выглядит не столько полемически насыщенным, сколько разрозненным и невыдержанным в тоне той самой «спокойной интонации» исследователя (а не обличителя или апологета), о необходимости которой заявили редакторы.

Нельзя не отметить и некоторые другие детали, связанные отчасти с чрезмерной пестротой профессиональной принадлежности авторов, а отчасти – со спецификой жанра публикуемых в сборнике текстов (статьи представляют собой «материалы конференции»). Так, например, содержание некоторых разделов напоминает «китайскую классификацию», описанную Фуко. В частности, не совсем понятно, почему статья А. Рябовой (аспирантки кафедры уголовного права НИУ ВШЭ) *Советское законодательство об охране рынка ценных бумаг и современность* размещена именно в разделе «Советские социально-культурные практики», вместе с текстом о советском спорте, статьёй о видеокультуре в позднем СССР и текстом о «тембракустическом конструировании советского этоса». Автор статьи о законодательной охране ценных бумаг не только считает необходимым напомнить читателю дату образования СССР (со ссылкой на два учебника истории), но и по какой-то причине уверена, что на основании сравнения советского и современного законодательств об охране рынка ценных бумаг можно ответить на вопрос: «как изучать советское: археология памяти или критическая реконструкция?» (с. 111). Выводы статьи, которая почти целиком состоит из цитат из Уголовного кодекса, легко угадать, даже не читая саму статью. Автор формулирует их в одном предложении: «Если ранее интересы государства доминировали над частными, то в настоящее время система интересов и благ, в том числе и охраняемых уголовным законом, базируется на конституционной триаде “личность – общество – государство”» (с. 118). Таким тезисом из

области здравого смысла автор подытоживает свои скрупулёзные, но, к сожалению, не выходящие за рамки истории уголовного права изыскания.

Особый интерес в разделе «Советские социально-культурные практики» представляет статья А. Ганжи *Звонкое, глухое, трагическое: темб्रोакустическое конструирование советского этоса*, посвящённая крайне редко исследуемому срезу культуры – её аудиальному регистру, который трансформировался сообразно изменениям культурной политики в СССР. Другие, богатые фактурой и множеством интересных наблюдений тексты, такие, например, как статьи М. Вагиной *Советский спорт и политика рекорда* и А. Павлова *Видеодром: формирование видеокультуры в Советской России в 1980–90-е годы*, всё же оставляют ощущение приближения к проблеме без её контекстуализации. Предоставив читателю структурированную и проработанную информацию по тому или иному вопросу, авторы останавливаются, сделав весьма скромные выводы и не соотнеся исследуемый феномен с советской культурой как целым.

За счёт обилия подобных материалов весь сборник оставляет впечатление некоего облегчённого компромисса между теоретическим или эмпирическим исследованиями ряда совершенно разнородных фрагментов культуры. При этом «облегчённость» наблюдается и в теоретизации, и в исследовательской части. Так, например, статьи из разделов «Рождённое в СССР: становление потребительского общества» и «СССР сегодня» почти целиком написаны студентами Высшей школы экономики, которые не имеют личного опыта «советского», будучи рождёнными либо уже на излёте перестройки, либо вообще после распада СССР.

Это действительно любопытный эксперимент – посмотреть на СССР через его «следы» в сегодняшней материальной культуре и через остатки переданной сегодняшнему молодому поколению исторической памяти, а вернее, попытаться считать то, что дошло до них по «испорченному телефону» семейных нарративов. Интересно также то, как они «расшифровали» и апроприировали чужой опыт и память о Советском Союзе. Тем не менее многие из статей молодых авторов носят скорее описательный характер, основаны либо на личных наблюдениях, либо на различных мини-исследованиях, которые, к сожалению, не всегда позволяют авторам прийти к вскрытию нетривиальных и новых пластов в изучении заявленной темы. (Примером могут служить статьи П. Мазаева *Трансформация функций историко-культурного музея в постсоветской России* и М. Мирской *Автомобиль в советской повседневной культуре*, а также статья Ивана Куликова *Вещь в советской повседневности: изменение значений и функций*, которая содержит множество исключительно интересных сведений о вторичном использовании бытовых предметов в СССР, почерпнутых из журналов советской эпохи и интервью, проведённых самым автором. Тем не менее выводы статьи ожидаемы и могли бы быть представлены и без проделанного иссле-

дования: в СССР дефицит заставлял людей максимально использовать полезные свойства любых предметов, что порождало «незапланированный экологизм».) При всей познавательности этих текстов, им всё же не хватает выхода к сопоставлениям и обобщениям.

Поэтому не случайно, что написанные самыми молодыми авторами сборника разделы завершаются статьей Ирины Глуценко, доцента ВШЭ. Проанализировав множество сочинений своих студентов о феномене «советского», она приходит к выводу о том, что у сегодняшних двадцатилетних людей понятие «советское» представляет собой «мозаичную картину, полную деталей, но лишённую целостности» (с. 255). Такими же характеристиками обладает и ряд статей, написанных студентами. Отсюда и композиция издания – микроисследования той или иной проблемы обрамляются в сборнике концептуальными (но всё же в большой мере публицистическими) обобщениями Анны Очкиной и Татьяны Ворожейкиной, как бы призванными придать связность разнородному материалу, представленному в сборнике. Сложно сказать, кому адресовано столь специфичное издание – специалисты (социологи, экономисты, социальные философы, советологи...) вряд ли почерпнут в нём нечто новое для себя, а возможно, будут и раздосадованы рядом достаточно популистских текстов, попавших в сборник наравне с действительно концептуально выдержанными текстами или статьями, представляющими результаты эмпирических исследований.

Многообещающее название, на обложке – положительные отзывы учёных с мировым именем (Иммануила Валлерстайна, Крэга Калхуна, Георгия Дерлугьяна), внятная и чёткая постановка самой проблемы изучения «советского», прописанная редакторами, – всё это порождает в читателе сборника ожидания, которые, увы, не в полной мере оправдываются. И дело даже не в некоторой мозаичности или фрагментарности «охвата» или взгляда на «советское», а скорее в том, что в рамках издания, к сожалению, не в полной мере удалось решить исследовательские задачи, в нём же заявленные.